

массовой паники (ср. "Войну миров"(1898), "Пищу богов"(1904) и "Роковые яйца"(1924)), без утайки ссылаясь на своего вдохновителя ("[Иванов] Владимир Ипатьич, герои Уэллса по сравнению с вами просто вздор... /.../ Вы помните его "Пищу богов"? ("Роковые яйца")), то Платонов скорее тяготеет к философичности фантазий Уэллса, учится лаконичному описанию мира на языке физических терминов (или *абсолютов* типа *пространство, время, вещество, устройство, сила* и т.п.), и также стремится обнаружить родство научной и художественной мысли (у обоих писателей есть достаточно близкие размышления на эту тему). Такой концептуальный подход к задачам художника-фантаста позволяет Уэллсу и Платонову подойти к раскрытию глубинной проблематики жанра, т.е. к драматизации конфликта между человеком на фронтире познания мира и слепыми силами природы, оказывающими противодействие своему разумному покорителю.

Неудивительно, что именно здесь, в точке пересечения художественных миров, возникает уникальный феномен трансформации фабулы фантастического рассказа Г. Дж. Уэллса "Замечательный случай с глазами Дэвидсона" (1895) в реалистический сюжет рассказа А. Платонова "В прекрасном и яростном мире (Машинист Мальцев)" (1941).

Т. Ю. Дикова
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТЬ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ РАССКАЗОВ А. ГРИНА 1920-Х ГОДОВ

Углубленность творчества А. Грина в "роковые загадки" мира и человека, их решение и формы их воплощения дают возможность говорить о писателе как о модернисте в силу его новой и "острой" постановки проблемы частной интимной человеческой жизни, особенно того, что свершается в его душе, в недрах сознательного и бессознательного. Писательская идея реализуется через сюжет, создающий неоднозначную и противоречивую картину мира, на глубине которой слышатся "токи" гуманистического толкования человека и бытия, необходимого художнику акцента на идеальном, творческом, высоком в человеке.

При достаточно простых фабулах можно говорить о необычайной сложности, даже изощренности гриновских сюжетов, где его равными составляющими предстают и экзотизм событий, и экзотизм

духа. Превращение примитивной фабулы в захватывающий сюжет происходит в рассказах писателя за счет всякого рода случайностей, неожиданностей, имеющих судьбоносный, роковой характер и влекущих за собой резкий поворот, смену в фабульном движении текста. При этом основу сюжета в его целостности составляет двуединая динамика внешних событий, - невероятных и исключительных, - и связанное с ними переживание героя, проявляющее себя интенсивными, часто скачкообразно изменяющимися состояниями. В свою очередь ритм сюжетов лучших рассказов писателя ("Крысолов", "Серый автомобиль", "Фанданго", "Ива") задан пульсирующими толчками, переходящими от одного полюса к другому, от одного куска текста к последующему, семантически ему противопоставленному. В этой маятникообразной сюжетной динамике заключены гриновские антиномии, выражающие разные стороны авторского понимания бытия, которое едино и целокупно и, одновременно, двойится, распадаясь на реальное - и воображаемое, материальное - и идеальное, приземленное - и возвышенное, примитивное - и изысканное, житейски обыденное - и таинственное, рациональное - и иррациональное, сенсорное - и субсенсорное. Именно эти противостояния сообщают сюжету Грина мощный заряд энергии.

Подобно Достоевскому, Грину свойственно сплошное "напряжение" его хронотопа и сюжета, причем в нескольких кризисных "отрезках" достигается особая - сверхпредельная - концентрация напряжения, где и осуществляется художественная реализация возможностей человеческого духа. Перемещение хронотопа при этом происходит по прямой, однако, сюжетный слом, свершающийся в силу включения гриновского сверхнеординарного события,

изменяет эту линейную структуру, благодаря чему пространство и время в художественном мире писателя предстают чрезвычайно сложными. Их суть может колебаться, представляя то свою обыденную, бытовую сторону, то непознанную, мистическую, что позволяет обозначить рассказовую прозу Грина 1920-х годов как "перетекающую", "оборотническую", "мерцающую".